

требований к форме этих доказательств закон не предъявляет. Их оценка возможна только с точки зрения относимости и достоверности той информации, которая содержится в материальных объектах, документах и полученных у лиц объяснениях. Однако поскольку ст. 88 УПК не исключает эти доказательства из числа тех, которые подлежат оценке с точки зрения их допустимости, сформулированное правило нуждается, на наш взгляд в более четком законодательном закреплении.

Право на судебную защиту имеет и другие процессуальные гарантии, однако все они так или иначе связаны с состязательной формой уголовного судопроизводства и равенством процессуальных возможностей сторон в этом состязании.

А.А.Тарасов *

ПОДДЕРЖАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ В СУДЕ И ПРИНЦИП ЕДИНСТВА ПРОКУРАТУРЫ

Согласно ч.3 ст.248 УПК РФ, прокурор, поддерживающий обвинение в суде первой инстанции (в том числе и помощник прокурора), обязан отказаться от обвинения, “если ... придёт к убеждению, что данные судебного следствия не подтверждают предъявленного подсудимому обвинения”. В соответствии с ч.7 ст.426 УПК РФ 2001 г., “если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придёт к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленного подсудимому обвинения, он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа”. Согласно ч.8 той же статьи, государственный обвинитель до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора может также изменить обвинение в сторону его смягчения.

По логике закона каждый государственный обвинитель, независимо от занимаемой должности, абсолютно свободен в определении

---

* © Тарасов А.А., 2002

личной обвинительной позиции по уголовному делу и самостоятельно решает, поддерживать ли ему обвинение или отказаться от него, настаивать ли на первоначально предъявленном обвинении или изменить его в сторону смягчения. В соответствии с этой логикой в уголовно-процессуальной литературе формулируется и обосновывается правило о процессуальной самостоятельности государственного обвинителя¹, а также утверждается, что “в стадии судебного разбирательства принципы централизации, единоначалия, ответственности не действуют. Независимость прокурора выражается в его полной процессуальной самостоятельности²”. Трудно возразить против этого. Но насколько это обеспечено правовыми средствами? Ни в законе, ни в авторском анализе его положений в принципе не допускается возможности возникновения каких-либо разногласий между прокурором, утвердившим обвинительное заключение, и являющимся непосредственным начальником сотрудника прокуратуры (заместителя, помощника, прокурора отдела или управления), направленного им для поддержания государственного обвинения. Последний, судя по всему, действует самостоятельно, без всяких правовых гарантий, в силу самого факта его участия в деле и добросовестного отношения к профессии. Жизненна ли такая ситуация? Думается, что далеко не всегда. Остановимся на её анализе подробнее.

Прокурор, утверждая обвинительное заключение по результатам предварительного расследования, констатировал, что обвинительная позиция по делу сформулирована в достоверном варианте³ (с точки зрения данного прокурора, сложившейся на тот момент). Во всяком случае, так должно быть по закону. Если это не так, то прокурор просто не выполнил своей обязанности по правильному применению закона с тем, чтобы ни один невиновный не был привлечён к уголовной ответственности и осуждён, чего прямо требует закон (в ст.2 УПК РСФСР именно так определена одна из задач уголовного процесса, а в ст.6 УПК РФ 2001 г. назначением уголовного судопроизводства признана защита личности от незаконного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод). Именно в таком законном и обоснованном виде государственное обвинение должно попадать на рассмотрение суда. Сам факт направления в суд незаконного и необоснованного обвинения есть уже нарушение конституционных прав и свобод человека и гражданина, а прокурор виновен в этом нарушении. Значит, если единолично действующий в суде государственный обвинитель, обладая процессуальной самостоятельностью и оценивая доказательства по своему внутреннему убежде-

нию, пришёл к другому выводу (о невинности или о меньшей виновности подсудимого), он, по сути, констатировал необоснованность всей предшествующей обвинительной деятельности.

Исходя из того, что каждое должностное лицо прокуратуры на каждом этапе производства по уголовному делу действует добросовестно и ответственно, нельзя не признать, что разногласия между государственным обвинителем, отказывающимся от обвинения в суде, и прокурором, утвердившим обвинительное заключение, закономерны: этими лицами заняты противоположные правовые позиции по одному и тому же уголовному делу. Ни один из опрошенных нами работников прокуратуры не вспомнил из своей практики случай, когда бы он отказывался от обвинения или изменял его в суде, не посоветовавшись со своим начальником – прокурором.

На теоретическом уровне оснований для возникновения коллизий в позициях сотрудников прокуратуры (один из которых, как известно, ещё и находится в непосредственном подчинении другого) как бы не возникает: прокурор, направляя дело в суд, оценивал одну совокупность доказательств (без данных судебного следствия), помощник прокурора, участвующий в суде, – другую, с учётом вновь собранных и исследованных фактических данных. В идеальном случае прокурор согласится со своим помощником и отдаст дальнейшую судьбу государственного обвинения на личное усмотрение последнего. Однако прокурор, направивший дело в суд как готовое к этому и непосредственно в судебном следствии не участвовавший, может усомниться в правильности позиции, занятой по делу его помощником.

Закон, не допускающий самой возможности возникновения таких разногласий, разумеется, не создаёт и правового поля для их разрешения. Едва ли это правильно, ведь в случае, если такие разногласия всё-таки возникнут, они будут разрешаться вне правовых форм, что всегда чревато либо жёстким властным диктатом со стороны одного лица (в суде не участвовавшего), либо конформистским изменением собственной позиции другим лицом (участвовавшим в суде).

Едва ли правильно оставлять конкретного работника прокуратуры наедине с очень непростым выбором: либо отстаивать собственные убеждения, вступая в конфронтацию со своим начальником, либо принимать позицию этого начальника вопреки собственным убеждениям. Едва ли верно также игнорировать влияние ведомственных соображений на позиции обоих: на деле очень трудно уловить грань,

когда сугубо правовой спор между двумя сотрудниками одного ведомства переходит в плоскость “сохранения лица” и утрачивает собственно правовое содержание. Ещё в 1970-е годы, когда о ведомственных соображениях было принято говорить как об “отдельных недостатках”, в литературе отмечалось, например, распространённое стремление прокуроров, руководствующихся именно этими соображениями, искусственно снизить число дел, возвращённых судом на следствие, путём отзыва их из распорядительного заседания в случае получения от судьи соответствующих предварительных сведений⁴. Однако в этих же источниках ведомственная проблема опускалась как несуществующая, когда речь шла о куда более болезненном для ведомственных амбиций решении – об отказе прокурора от обвинения. Напротив, утверждалось: мотивированный отказ от обвинения убеждает в том, что прокурор – подлинный блюститель закона⁵. Верно сказано. Но возможно ли такое, что ведомственные соображения в данном случае бесследно исчезли? И где был “подлинный блюститель закона”, когда утверждал обвинительное заключение в отношении невиновного человека, отправляя его на скамью подсудимых?

Ранее, когда идея “высшего” прокурорского надзора за законностью как единственной функции прокуратуры, закреплённая в советских Конституциях (ст.113 Конституции СССР 1936 года и ст.164 Конституции 1977 года), в науке не только не оспаривалась, но и специально обосновывалась⁶, проблема не представлялась сколько-нибудь серьёзной.

В.И.Басков, например, аргументируя тезис о процессуальной самостоятельности государственного обвинителя, писал: “Прокурор, получая поручение от вышестоящего прокурора поддерживать обвинение, не получает вместе с тем указания о поддержании обвинения во что бы то ни стало⁷”. С этим нельзя не согласиться. Но здесь же автор утверждает следующее: “В то же время процессуальная самостоятельность прокурора вовсе не означает, что он в своей деятельности может поступать произвольно. Прокурор как представитель строго централизованного органа подчинён вышестоящему прокурору, и его деятельность в суде по поддержанию государственного обвинения не может рассматриваться как особого рода деятельность, монопольное право на которую имеет только этот прокурор. Эта деятельность прокуроров направляется и контролируется вышестоящим прокурором⁸”. И это тоже правильно. Но как совместить одно с другим? Как преодолеть позицию прокуроров, которые “оши-

бочно полагают, что отказ от обвинения снижает престиж прокуратуры⁹” (а такие, судя по авторскому контексту, имеются), и как устранить психологические трудности, которые при отказе от обвинения испытывает прокурор, осуществлявший надзор за расследованием, санкционировавший обыск и арест¹⁰? Можно ли предположить, что одними воспитательными и просветительскими мерами (а именно к ним вынужден апеллировать любой автор, не допускающий самой возможности возникновения коллизий в позициях двух процессуально самостоятельных субъектов) можно достичь того эффекта, что прокуроры сами всегда будут соглашаться со своими помощниками, занявшими позицию, отличную от позиции прокурора?

Игнорирование проблемы не означает её отсутствия, но почти всегда означает уход от её решения. В реальности процессуально самостоятельный прокурор, поддерживающий государственное обвинение (но не являющийся прокурором по должности), как правило, собственной независимой позиции по делу не занимает: он, как минимум, согласовывает её с прокурором (по должности), а в случае, если тот настаивает, поддерживает позицию прокурора. Психологически так гораздо проще, но в данной ситуации и процессуальная самостоятельность государственного обвинителя, и единоличное начало в поддержании государственного обвинения полностью ликвидируются.

В идеальном варианте предотвращению коллизий обвинения в суде первой инстанции (а значит и обеспечению единоличного начала в прокурорской деятельности) могло бы способствовать поручение поддержания государственного обвинения в суде тому прокурору, который осуществлял процессуальное руководство расследованием по данному уголовному делу, как предлагается в литературе¹¹. Но этот вариант именно идеальный, и его можно считать скорее исключением, чем правилом: прокуроров, утверждающих обвинительные заключения, всегда будет меньше, чем сотрудников прокуратуры, участвующих в суде.

Нельзя признать оправданным то, что закон вообще не предполагает возможности возникновения разногласий между субъектами уголовно-процессуальной деятельности, от которых тот же закон требует самостоятельности и независимости в исследовании и оценке доказательств, в определении собственной позиции по делу. Во всяком случае, провозгласив процессуальную самостоятельность следователя, закон подкрепил её определением порядка обжалования указаний прокурора (ч.2 ст.127 УПК РСФСР, ч.3 ст.38 УПК РФ

2001 г.). Почему же для процессуальной самостоятельности другого единолично действующего субъекта не предусмотрено таких же гарантий?

Практика выработала много способов предотвращать коллизии в формировании государственного обвинения на стадии судебного разбирательства либо разрешать их "в рабочем порядке". Один способ – известное практике "обвинение с запасом", заложенное в обвинительное заключение и дающее возможность, поддерживая обвинение в суде, отказаться от него в части "запаса", если в полном объеме обвинение не подтвердится. Единоличное начало в деятельности органов прокуратуры в данном случае обеспечивается предварительным согласованием позиций между её сотрудниками, и возможный отказ от обвинения не порождает внутренних противоречий в единой прокурорской позиции. Описанную практику считают правильной (или допустимой) 84% опрошенных нами работников прокуратуры.

Второй способ – столь же распространенный: прямое указание прокурора поддерживать то обвинение, которое сам прокурор считает обоснованным, независимо от внутреннего убеждения прокурора, участвующего в суде. Против своего убеждения государственное обвинение в суде поддерживали хотя бы один раз 68% опрошенных нами работников прокуратуры, многократно – 54%. И эту практику подавляющее большинство опрошенных работников – 86,5% – считают нормальной (42%) или неизбежной (44,5%).

Оба подхода, имеющие надёжное обоснование с позиций здравого смысла (в ведомственном его понимании), с правовой точки зрения представляются ущербными. Формулируя обвинение и направляя дело в суд, орган уголовного преследования обязан от имени государства обеспечить точное соответствие такого обвинения закону. Поддержание государственного обвинения вопреки внутреннему убеждению лица, непосредственно участвующего в исследовании доказательств, тоже противоречит и задачам органов прокуратуры по осуществлению уголовного преследования (ч.2 ст.1 Закона о прокуратуре), и принципам уголовного процесса.

В пореформенном русском уголовном процессе подобная ситуация разрешалась проще и категоричнее. С.В.Познышев, например, отстаивая принцип единства прокуратуры, утверждал, что из него вытекает "неделимость прокуратуры, выражающаяся в том, что процессуальные заявления одного из её чинов имеют силу по тому же делу и для других"¹².

Столь же просто в этой схеме мог быть решён вопрос и с возможными разногласиями: из принципа единства, по мнению С.В.Познышева, вытекало правило о возможности заменить одного сотрудника прокуратуры другим в заседании по тому же делу.¹³ Аналогичное правило, кстати, не противоречит и ч.3 ст.251 действующего УПК РФ, предусматривающей право вновь вступившего в дело прокурора подготовиться к участию в деле, но ничего не говорящей о его праве требовать рассмотрения дела с его участием вновь. Возможность замены одного государственного обвинителя другим в советской уголовно-процессуальной литературе правильно связывалось с “принципом централизованного построения прокуратуры и её единства”¹⁴. В дореволюционной науке вопрос о процессуальной самостоятельности государственного обвинителя вообще не ставился, ибо авторы в своём подавляющем большинстве исходили из того, что “начало единства сообщает прокурорской деятельности безличный характер; действует или говорит не тот или иной индивидуальный деятель, а в его лице весь институт прокуратуры”¹⁵. Такая постановка вопроса выглядит логичной и внутренне непротиворечивой¹⁶.

Но согласиться с нею сегодня нельзя, ибо она несовместима с правилом об оценке доказательств по внутреннему убеждению: ведь их оценивает именно “единоличный деятель”, участвовавший в рассмотрении конкретного дела, а у “всего института прокуратуры” нет и не может быть какого-то единого внутреннего убеждения. Именно поэтому выход видится не в навязывании сотрудникам прокуратуры какой-то “единой” позиции, а в создании правового поля для разрешения возможных разногласий между ними. Это правовое поле – отнюдь не повод для превращения прокуратуры из строго централизованного органа государственного обвинения в некий “дискуссионный клуб”, а лишь способ укрепить позиции государственного обвинения по каждому уголовному делу. Порядок разрешения разногласий должен соответствовать иерархическому построению органов прокуратуры (ст.ст.1 и 4 Закона “О прокуратуре Российской Федерации”) и правилу об обязательности указаний вышестоящего прокурора нижестоящим (ст.ст.17, 18, 19 того же Закона).

В литературе применительно к другой ситуации (связанной с принесением кассационного протеста по делу, в котором участвовал не сам прокурор) высказывалось заслуживающее внимания предложение закрепить в законе право прокурора, поддерживавшего государственное обвинение в суде первой инстанции, направить свои возражения против мнения прокурора, принесшего протест по данному

делу, вышестоящему прокурору¹⁷. В этом предложении предпринята попытка учесть, что функцию обвинения по делу выполняют разные люди, которые не только имеют право самостоятельно мыслить, но и обязаны формулировать и обосновывать собственную правовую позицию по делу.

Предложение о закреплении в законе порядка разрешения разногласий между процессуально самостоятельными субъектами доказывания в целом заслуживает поддержки. Но предварительно необходимо ответить на такой вопрос: *являются ли вообще коллизии государственного обвинения собственно уголовно-процессуальным понятием?*

Как известно, суд в состязательном процессе имеет дело со сторонами, собственные позиции которых формируются вне суда (в том смысле, что независимо от него) и должны быть внутренне непротиворечивыми, ибо наличие внутренних противоречий в обвинении (как и в защите) – это всегда фактор, ослабляющий позицию состязющейся стороны. Едва ли кто-то не сочтёт абсурдным урегулирование взаимоотношений между защитником и подзащитным или между несколькими защитниками одного обвиняемого (или нескольких обвиняемых) в уголовно-процессуальном законе. Признавая процессуальное равенство сторон обвинения и защиты, законодатель не должен выделять ни одну из состязующихся сторон, создавая специально для неё какие-то особые процессуальные формы. Разногласия между сотрудниками прокуратуры, наделенными правом приносить кассационные и частные протесты (или представления, как по УПК РФ 2001 г., – не имеет значения) по уголовным делам, должны быть разрешены вне рамок уголовного процесса, а механизм такого разрешения должен быть урегулирован в Законе о прокуратуре.

Разногласия между государственным обвинителем и прокурором, утвердившим обвинительное заключение, должны, на наш взгляд, разрешаться вышестоящим прокурором на основе изучения материалов дела, направленного прокурором в суд, и письменных объяснений государственного обвинителя об основаниях изменения обвинительной позиции по результатам судебного следствия (нечто, напоминающее особое мнение судьи, не согласного с приговором).

Практические работники в таком порядке могут усмотреть опасность волокиты, бюрократизма и дополнительного бумаготворчества. Однако для таких опасений едва ли имеются основания.

Во-первых, только очень наивный человек может предположить, что вынесение разногласий между подчинёнными и начальниками на официальный уровень станет массовым явлением¹⁸ в случае ус-

тановления для этого правовой формы, значение которой лишь в потенциальной возможности ею воспользоваться в случае действительной необходимости.

Во-вторых, если государственный обвинитель всё же решится на такой шаг, никаких новых бумаг составлять не придётся: “надзорное производство” по любому уголовному делу в прокуратуре ведётся¹⁹, рабочие записи государственных обвинителей в него так или иначе попадают, одна из записей – проект речи об отказе от обвинения (либо о его изменении) – как раз и послужит обоснованием соответствующей позиции. Именно “надзорное производство” (которое, по-видимому, будет называться как-то иначе, но из прокурорской практики никогда не исчезнет) и станет предметом рассмотрения в вышестоящей прокуратуре.

В-третьих: в судебных заседаниях перед началом судебных прений, как правило, объявляются перерывы с тем, чтобы предоставить сторонам возможность подготовиться к судебным прениям. Во всяком случае, если стороны заявляют такие ходатайства, суды их обычно удовлетворяют. Защитники в этих перерывах обычно совещаются с подзащитными и между собой, и это естественно. Столь же естественно и совещание сотрудников прокуратуры по спорным вопросам обвинения.

Кажущаяся бюрократичность предложенной здесь процедуры устранения внутрпрокурорских коллизий на самом деле именно кажущаяся: гораздо опаснее настаивать на обвинении невиновного, чтобы избежать бюрократизма и сохранить “ведомственный мир”.

Необходимо отметить ещё один очень важный момент. Если будет создано соответствующее правовое поле (независимо от степени массовости его реального использования), проявляющий принципиальность государственный обвинитель не будет выглядеть “диссидентом”²⁰, а сама принципиальность имеет шанс быть воспринятой как нормальная практика. Думается, что именно так и должно быть поставлено дело в уважающей себя государственной организации.

Вышестоящий прокурор в обоих рассмотренных случаях имеет право принять окончательное решение по делу, назначив при необходимости исполнителя этого решения по собственному усмотрению. Процессуальную самостоятельность государственного обвинителя не следует отождествлять ни с судейской независимостью, ни даже с процессуальной самостоятельностью следователя: взаимоотношения между следователем и прокурором – уголовно-процессуальные, а взаимоотношения между должностными лицами прокуратуры – административные. В этом случае единоличное начало в обвинитель-

ной деятельности обеспечивается строгой централизацией органов прокуратуры и внутренней иерархией власти.

Процессуальная самостоятельность сотрудника прокуратуры – государственного обвинителя по конкретному делу – имеет (в силу централизации прокурорской деятельности вообще) весьма ограниченные масштабы: самостоятельность в оценке исследованных лично им доказательств, в формулировании собственной позиции по данному делу и возможность представить её на рассмотрение как собственному прокурору, так и вышестоящему. Уголовно-процессуальный закон не случайно не предусматривает порядка разрешения возможных “внутрипрокурорских” разногласий (да и не должен, на наш взгляд, его предусматривать). Повинуясь централизованному построению своей организации, прокуроры должны разрешить все внутренние разногласия до того, как дело станет предметом судебного рассмотрения в любой судебной инстанции.

В единоличной деятельности прокуратуры по поддержанию государственного обвинения возможен своеобразный элемент коллегиальности – поручение ведения одного объемного и особо сложного дела в суде от имени прокуратуры не одному, а нескольким государственным обвинителям. Коллегией в уголовно-процессуальном смысле это не является, поскольку взаимоотношения между членами такой “коллегии” складываются вне рамок уголовного процесса. Однако очевидно, что все рассмотренные выше проблемы формирования и поддержания позиции государственного обвинения в случае участия в деле нескольких государственных обвинителей многократно усложняются.

Проблемы “коллегий государственных обвинителей” в литературе практически не исследовались. Во всяком случае, в специально посвященных проблемам поддержания государственного обвинения в суде разделах фундаментальных трудов В.И. Баскова и В.М. Савицкого не содержится суждений на этот счёт²¹. Это вполне объяснимо: каких-то особых уголовно-процессуальных отношений в данном случае не возникает: все участвующие в деле прокуроры действуют единолично и процессуально самостоятельно, приобретая при этом все права и неся все обязанности, вытекающие из процессуального статуса государственного обвинителя.

Но сам факт одновременного участия в деле нескольких субъектов, обладающих одинаковыми правами и несущих одинаковые обязанности, лишней раз доказывает необходимость создания особого правового поля, обеспечивающего реализацию единоличного начала в деятельности каждого субъекта, выполняющего функцию уго-

ловного преследования, и единство государственного обвинения в целом. Предложенный выше порядок разрешения разногласий между сотрудниками прокуратуры, участвующими в формировании и поддержании государственного обвинения, приемлем и для “группы прокуроров”, но актуальность его создания здесь существенно выше, чем при поддержании государственного обвинения одним должностным лицом прокуратуры.

Примечания

¹ См., например: Емельянова И.В. Внутреннее убеждение и процессуальная самостоятельность прокурора в советском уголовном процессе. Дис. ... канд. юрид. наук. М.: ИГП АН СССР, 1983. С.52, 55; Халиулин А.Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации (проблемы осуществления в условиях правовой реформы). Автореф. дис. д-ра юрид. наук. М.: ВНИИ ГП РФ, 1997. С.9, 32. и др.

² Емельянова И.В. Указ. соч. С.52, 55 и др.

³ В литературе верно отмечается, что “с позиции следователя и прокурора такие выводы являются не версией, ... а достоверным знанием” (Бозров В.М., Кобяков В.М. Судебное следствие. Вопросы теории и практики. Екатеринбург: Каменный пояс. 1992. С.15). Лишь суд, рассматривающий дело, принимает выводы обвинительного заключения как версию обвинения по этому делу (Там же. С.16).

⁴ Прокурорский надзор в суде первой инстанции по уголовным делам / Под общ. ред. П.И.Кудрявцева. М.: Юрид. лит., 1978. С.29.

⁵ Там же. С.132.

⁶ См., например: Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. М.: Наука, 1975. С.7-12; Бурмистров К.Д. Роль прокурорского надзора в обеспечении социалистической законности. М.: Юрид. лит., 1979. С.25.

⁷ См.: Басков В.И. Теоретические проблемы прокурорского надзора за соблюдением законности при рассмотрении судами уголовных дел. Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1973. С. 137-138; Он же. Прокурорский надзор за соблюдением законности при рассмотрении судами уголовных дел. М.: Юрид. лит., 1980. С.115-117.

⁸ Басков В.И. Теоретические проблемы прокурорского надзора ... С.137.

⁹ Басков В.И. Прокурорский надзор за соблюдением законности при рассмотрении судами уголовных дел. С.116.

¹⁰ Там же. С.117.

¹¹ См., например: Никитин Е.Л. Актуальные проблемы прокурорской деятельности при осуществлении уголовного преследования Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб.: ЮИ ГП РФ, 2000. С.19.

¹² Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913. С.59.

¹³ Там же.

¹⁴ См.: Рахунов Р.Д., Сапожников И.Г., Козак Л.М., Коршик М.Г. Прокурорский надзор за законностью рассмотрения в судах уголовных дел / Под общ. Ред. А.Н.Мишутина. М.: Госюриздат, 1963. С.10-11.

¹⁵ Здесь С.В.Познышев ссылается на известный труд Н.Муравьева "Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности". (Т.1. М., 1889), в котором наиболее обстоятельно были сформулированы и проанализированы основные принципы деятельности прокуратуры в царской России. (См.: Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. С.59.)

¹⁶ Полагаем, что современные попытки совместить принцип единства прокуратуры (от него никто не отказывается) с процессуальной самостоятельностью государственного обвинителя по внутренней логике уступают дореволюционным подходам.

¹⁷ См.: Милицин С.Д. Предмет регулирования советского уголовно-процессуального права. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1988. С.5.

¹⁸ Для этого есть множество сдерживающих факторов, как негативных, к которым можно отнести приспособленчество и беспринципность (О психологической природе конформизма и конформности см., например: Кон И.С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967. С.92), так и позитивных – нормальное стремление индивида к преимущественно бесконфликтному существованию в микросоциуме (Об "альтруистическом эгоизме" см.: Селье Г. Стресс без дистресса. М.: Прогресс, 1979. С.94-95).

¹⁹ См.: п.9.2.3.3. Инструкции по делопроизводству в органах и учреждениях прокуратуры РФ, утвержденной приказом Генерального прокурора РФ № 93 от 28 декабря 1998 г. В связи с изменением нормативно определенной уголовно-процессуальной терминологии "надзорное производство" будет называться как-то иначе, но содержание его от этого, скорее всего, не изменится.

²⁰ Социально-психологический феномен "диссидентства" способен оказывать крайне негативное влияние не только на личный психологический комфорт отдельных индивидов, но и на характер межличностных отношений в любой малой группе, что не может не отражаться на качестве выполнения ею возложенной на неё социальной функции: любые недостатки совместной деятельности малая группа склонна "списывать" на личные промахи отдельных "козлов отпущения"(См.: Робер М.-А., Тильман Ф. Психология индивида и группы. М.: Прогресс, 1988. С.116; Зигерт В., Лаг Л. Руководить без конфликтов: Сокр. Пер. с нем. / Науч. ред. и авт. предисл. А.Л.Журавлёв. М.: Экономика, 1990. С.84), загоняя общие проблемы вглубь и уклоняясь от их решения.

²¹ См.: Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора... С 279-378; Басков В.И. Прокурорский надзор при рассмотрении судами уголовных дел. С.75-135.